

КРАСНОЯРСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Л. Коганъ.

Отд. XIV № 329.

Лемуръ Коганъ

*Фр 891.7/02
К 57*

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРИИ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ III.

ПРОБЕРЕНО
20 16 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЯРСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНО
№ 26900

ПЕРВАЯ ТЫСЯЧА.

Каждый экземпляр долженъ быть снаб-
женъ именемъ автора. За содержание
книгъ безъ подписи автора не отвѣчаетъ
и пресить оставлять ихъ ему.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЯРСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Отд. №

ПРОБЕРЕНО
1937 - 38 - 193 г.

Пр. 20-117.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.
Москва.—1912.

ПРОБЕРЕНО
1949 ГОДА
1949 ГОДА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ завершаетъ обзоръ тѣхъ общественно-литературныхъ теченій, которыя явились отраженіемъ или развивались подъ впечатлѣніемъ великой соціальной ломки, именно подъ впечатлѣніемъ начавшейся ликвидаціи крѣпостническаго строя и связаннаго съ нимъ міра представленій. Быть-можетъ, эту эпоху слѣдовало закончить Островскимъ, чтобы выяснить новые вопросы и задачи, вставшіе передъ русскимъ обществомъ вмѣстѣ съ начинающимся торжествомъ новаго міра предпринимателей и капиталистовъ. Такъ и предполагалось по первоначальному плану. Но (отчасти по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ) пришлось отложить главу объ Островскомъ до слѣдующаго выпуска.

С.П.Б. Февраль 1912.

П. К.

Отдѣль V.

ЧИСТАЯ ПОЭЗІЯ.-ТЮТЧЕВЪ.-ФЕТЪ.-МАЙКОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Предисловіе.

Стр.

отдѣль V.

Чистая поэзія.—Тютчевъ.—Фетъ.—Майковъ.

- I. Связь между общимъ настроеніемъ сороковыхъ годовъ и символической поэзіей. — Романтической характеръ этой эпохи и Тютчевъ.—Біографія и личность Тютчева.—Политическія статьи и политическая поэзія.—Философская лирика Тютчева. 5
- II. Тютчевъ и Фетъ.—Біографія и личность Фета.—Общій характеръ его поэзіи.—Аристократическая безпечность, преображеніе міра черезъ красоту.—Роль поэзіи.—Добро и зло.—Природа.—Слово и звукъ.—Заключеніе. 38
- III. Майковъ среди представителей „чистой поэзіи“.—Его біографія.—Отношеніе Майкова къ общественно-литературнымъ направленіямъ и къ политическимъ злобамъ дня.—Романтической универсализмъ и объективность—главныя черты майковской поэзіи.—„Вѣчное“.—Взглядъ на поэта и искусство.—„Три смерти“, „Два міра“ и другія поэмы. 66

отдѣль VI.

Выступленіе буржуазіи.—Гончаровъ.

- I. Герои „дѣла“.—Вліяніе начинающагося развитія промышленности.—Городъ.—Гончаровъ.—Его біографія и личность.—Его общественныя и эстетическія воззрѣнія.—Взглядъ на собственные романы.—„Обыкновенная исторія“.—„Обломовъ“.—„Обрывъ“. 101
-

го онъ отгадалъ чуть ли не первый. „Я любилъ встрѣчать его у насъ наверху до прихода еще многочисленныхъ и задорныхъ спорщиковъ, такъ какъ надѣялся услышать новое его стихотвореніе, которое читать въ шумномъ сборищѣ онъ не любилъ“. Изъ университетскихъ профессоровъ онъ интересовался только тѣми, лекціи которыхъ имѣли то или другое отношеніе къ поэзіи. „Не испытывая, по его собственному замѣчанію, никакой напускной нѣжности по отношенію къ московскому университету“, онъ однако „не прочь былъ послушать теорію краснорѣчія или эстетику у И. И. Давыдова, исторію литературы у Шевырева или разъясненіе Крюковымъ красотъ Горация“. Любовь къ поэзіи была, повидимому, и главнымъ, если не единственнымъ, звеномъ, соединявшимъ Фета съ Аполлономъ Григорьевымъ. „Связующимъ насъ интересомъ,— замѣчаетъ онъ самъ,—оказалась поэзія, которой мы старались учиться всюду, гдѣ она намъ представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену“.

→ Миновало уже то время, когда въ эпоху благороднаго подъема гражданскихъ чувствъ поэзія Фета подвергалась жестокому осмѣянію, когда его „шопоть, робкое дыханье“ были символомъ безсодержательнаго и безъидейнаго творчества. Въ настоящее время уже не смотря такъ враждебно на преображающую мечту, претворяющую „первую лужу въ Ипокрену“. Въ настоящее время враги поэта сдѣлали много шаговъ навстрѣчу его поклонникамъ. Но едва ли когда-нибудь поэзія Фета освободится отъ упрека въ полномъ равнодушіи къ дѣйствительности, въ недостаткѣ разносторонняго идейнаго содержанія. И нѣтъ книги, которая бы такъ безпощадно обличала личность писателя, какъ правдивая автобіографія Фета. Быть можетъ, лучшія черты Фета—его простодушная откровенность, отсутствіе пре-

тенціозности, искреннее признаніе, что жизнь, въ его глазахъ, это—красивое веселье въ кругу товарищей, остроумныя бесѣды и безраздумное эпикурейство. Кажется, будто этой задачѣ жизни думалъ служить Фетъ своими стихами, будто ими хотѣлъ помочь онъ счастливымъ пріятелямъ своего круга еще полнѣе вдыхать жизнь, еще глубже и сложнѣе наслаждаться красотами природы и радостями, разсыпанными на ихъ пути. И едва ли онъ когда-нибудь думалъ о міровомъ значеніи, которое стремились придать его творчеству его восторженные поклонники. Счастливая, но не глубокая натура, нѣсколько небрежный эпикуреецъ,— онъ принималъ жизнь такой, какъ онъ засталъ ее и искалъ красоты въ предѣлахъ ея. Все, что требовало глубокаго и вдумчиваго отношенія или большого напряженія воли, не привлекало Фета. Онъ проходитъ мимо фактовъ, которые, казалось бы, не могли не задѣть, не остановить вниманія человѣка чуткаго. Вотъ нѣсколько характерныхъ строкъ объ отцѣ Аполлона Григорьева, домъ котораго, по собственному выраженію Фета, „былъ истинной колыбелью его умственнаго я“: „Александра Ивановича я засталъ секретаремъ въ московскомъ магистратѣ. Жалованье его по тогдашнему времени, конечно, было ничтожное, а размѣровъ его дохода я даже и приблизительно опредѣлить не берусь. Дѣло въ томъ, что жили Григорьевы, если не изящно, зато въ изобиліи, благодаря занимаемой имъ должности. Лучшая провизія къ рыбному и мясному столу появлялась изъ Охотнаго ряда даромъ. Полагаю, что кормъ пары лошадей и прекрасной молочной коровы, которыхъ держали Григорьевы, имъ тоже ничего не стоилъ“. Благодушный тонъ, въ которомъ написаны эти строки, повѣствующія о вопіющемъ общественномъ злѣ, ярко характеризуетъ самого Фета. Еще

задолго до него взяточничество бичевалось лучшими писателями. А въ эпоху, когда, можно сказать, русская литература уже въ цѣломъ горѣла гражданскимъ энтузіазмомъ, хотя и пропущеннымъ сквозь призму идеализма,—въ эту эпоху полная атрофія гражданского чувства не могла быть оправдана даже господствующими воззрѣніями эпохи. Сообщивъ какъ о нормальномъ явленіи о взяточничествѣ, которымъ держалось благополучіе дома, бывшаго „колыбелью его умственного я“, Фетъ не прибавилъ къ этому факту отъ себя ничего, кромѣ развѣ соображенія (высказаннаго чуть ли не съ оттѣнкомъ сожалѣнія), что матери и сестрамъ „при затруднительности путей сообщенія“ Григорьевы не могли изъ этого обилія послать продукты, подвергающіеся порчѣ, и ограничивались только чаемъ, кофе и краснымъ товаромъ.

Вскорѣ по окончаніи университета въ 1844 г. Фетъ поступаетъ въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ. Онъ—добросовѣстный и даже ревностный исполнитель своихъ обязанностей, съ замираніемъ сердца думающій о возможности отличиться во время Высочайшихъ смотровъ. Онъ—добрый товарищъ и вообще стоитъ не выше, не ниже средняго офицера той эпохи, переживаетъ чувство глубокой обиды, когда считаетъ себя обойденнымъ по службѣ, приходитъ въ восторгъ, когда случается отличиться передъ высшимъ начальствомъ. Въ 1858 году, пройдя разныя ступени военной карьеры, онъ выходитъ въ отставку штабъ-ротмистромъ. Во время военной службы Фетъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ привѣтливо встрѣченъ Тургеневымъ, Панаевымъ, Некрасовымъ и другими членами кружка „Современника“, гдѣ поэтическій талантъ Фета цѣнили очень высоко. Послѣ долгой работы и споровъ по поводу каждаго отдѣльнаго стиха члены кружка